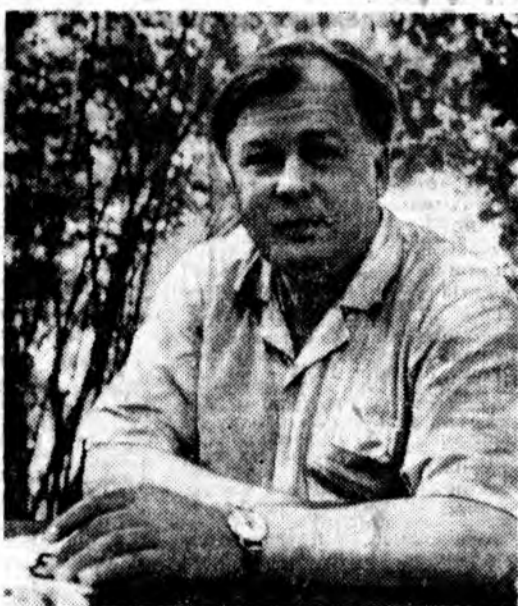

К 70-летию со дня рождения А. Т. Твардовского

Сегодня исполняется 70 лет со дня рождения автора «Книги про бойца», с необычайной глубиной и яркостью запечатлевшей народный характер поэта-коммуниста, пламенного патриота и видного общественного деятеля Александра Трифоновича Твардовского.

Активный участник социалистических преобразований на селе, фронтовой журналист в годы Великой Отечественной войны, вдохновенный певец родной земли, Александр Твардовский с огромной художественной силой отразил важнейшие этапы в жизни страны и народа. Главный герой его произведения — советский человек — строитель и боец.

Более 240 раз издавались в нашей стране, многократно переводились на иностранные языки стихи Твардовского, его получившие всенародное признание поэмы «Страна Муравия», «Василий Теркин», «Дом у дороги», «За далью — даль». Произведения замечательного поэта по сей день служат утверждению благородных идеалов Коммунистической партии, верным бойцам которой был Александр Твардовский.

С ТРОПЫ СВОЕЙ НЕ СОСТУПАЯ...

Твардовский вошел в мою жизнь в первые послевоенные годы тоненькой, скромно изданной книжкой «Василий Теркин». В те свои десять лет я знала Пушкина и Некрасова, Лермонтова и Гоголя настольно, насколько это позволяли возможности нашей сельской библиотеки: старшие братья-школьники были заядлыми книголюбями, и ни одна из имевшихся в библиотеке книжек не преминула побывать в нашей избе, а непрочитанными книжки не сдавались.

«Теркин» же попал к нам не из библиотеки: мне одолжила его на день подружка, никогда литературой особо не интересовавшаяся. Иван (муж сестры, рабочий лесозащитки) принес, говорил, что интересная. — сообщила она мне тайно. Рекомендация подействовала безотказно: все дела и заботы — стояли дни прекрасного короткого северного лета — были забыты, а книжка проглочена мгновенно. Конечно, я не могла тогда объяснить, за что она мне понравилась так, что появилось желание любым путем отдалить час неминуемой разлуки с ней, сказать, что порвала, что залила чернилами, что потеряла, и отдать нечего... Отдать все-таки пришлось.

А спустя еще какое-то время мы с братом уже взахлеб, радостно подкарауливая друг друга на малейшей записке, поочередно декламировали вслух целые главы «Страны Муравия» — книги простой и мудрой, понятной и нужной, обжигающей то щедрой радостью, то непродуманной печалью.

...Из всех излюбленных работ

Любил Никита обмолот,
И где, и кто молотит, — мог
Узнать по стучу Моргунок.
У богачей да у попов
Ходили в дюжину цепов.

...А сам Никита Моргунок
Вдвоем с женой ходил на ток.
До ночи хлеб свой выбивал,
Не разгибая рук.
И, как калека, колдыбал
Хромой унылый стук...

Будничные картины сельских работ, хорошо знакомые и нам, были освещены глубоким уважением и пониманием, мы чувствовали, что и автору, как Моргунку, «любо» было... повесив теплый цеп, сидеть и веять на току набитый за день хлеб».

Философия истинной любви проста: не люби ты меня, полюби ты мое. Твардовский любил наше. И он стал для нас тем же, чем был Некрасов, только — живым, и потому трепетно дорогим и много сулящим.

Искусство действует на людей своей заразительностью. Поэзия соединяет в себе много искусств: тут и музыка, и живопись, и архитектура строчек, и сценичность эпизодов, и плюс ко всему, а, вернее, прежде всего сам строительный материал — слово. У Твардовского оно «жилое», как говорят у нас на севере, то есть естественное, теплое, здоровое, не претендующее, как гранит, на бессрочность и не-

Ольга ФОКИНА,
лауреат Государственной премии РСФСР

зыблемость, но способное к продолжению рода своего: посеи — вырастет.

Твардовский сеял в благодатную почву: крестьянство, веками задавленное нуждой и бесправием, распрямлялось во весь рост, обретало свое лицо, осознавало в себе полноценного человека. Твардовский говорил устами нового, советского человека, ответственного не только за свою судьбу и судьбы своих близких: каждый, вполне конкретный, полнокровный образ его поэмы, прототип которого мы без особого труда разглядим среди своих знакомых, оказывался решающим звеном в деле государственно важном. Суметь так увидеть обыкновенного человека, так его понять и так правдиво рассказать о нем всем — удел огромного таланта, подкрепленного доскональным знанием жизни и активнейшим участием в ней.

В годы колхозного строительства Твардовский — корреспондент областных газет, страстно нычавший в новый, впервые складывающийся строй сельской жизни, его прозаический «Дневник председателя колхоза» — свидетельство тому. В годы войны — уже широко известный поэт Александр Твардовский — корреспондент военных газет, и его «Василий Теркин» — один из многочисленных воинов, о которых приходилось ему писать, и в то же время — сам автор, ибо нельзя так любовно выписать образ, не нося в себе черт, присущих герою.

В послевоенные годы много сил и времени Твардовский отдает редактированию журнала «Новый мир», строго и разборчиво зачисляя в его авторы самых достойных. В эти же годы он пишет «главную работу» — книгу «За далью — даль», полную глубоких философских раздумий.

В поэзию конца пятидесятых — начала шестидесятых годов громко входили новые имена. Но без Твардовского они не обходились: Евгений Евтушенко нес свои стихи в «Новый мир» и получал строгую консультацию; Андрей Вознесенский напечатан в «Новом мире»... Твардовский не выступал с чужих пьедесталов; спокойно и незыблемо царя над шумящим подростком, он с неизменной рачительностью крестьянина старался разглядеть и поддержать ростки, могущие быть полезными людям.

По литературному институту, в стенах которого в те годы была и я, ходили слухи о неприступности Твардовского, — я в это не верила. У меня была тайная мечта: не вступать в члены Союза писателей до тех пор, пока не даст рекомендацию Твардовский. Конечно, для этого надо написать что-то настоящее, но ведь именно настоящего, су-

щего я и хочу от себя, и только такой человек, как Твардовский, не даст мне ошибиться в самооценке.

Я не осуществила свой замысел: слишком рано Твардовского не стало. А, может быть, слишком долго я не пишу того, что можно было бы дать на его суд. По крайней мере, всякий раз, сверяя свое самое удачное, на мой взгляд, собственное сочинение, с его строгими, работающими всегда и безотказно, проникновенными простыми словами, ощущаю свою немощность и стыд: для него все мое — давню пройденный этап, ему это уже неинтересно.

Я знаю, что я не одна такая. Нас много. Твардовский очень высок, наследство его поэтическое — клад бесценный. Он оставил его нам, живущим, не в назидание, не в поклонение, да и не в подражание, конечно. Он хотел, чтобы мы жили и росли из отчей земли — для отчей земли, чтобы и под нашими кронами всходили и мужали достойные преемники отечественной поэзии.

...В крестьянских семьях родители мало занимаются воспитанием детей, как таковым. Даже и слова этого нет в обиходе. Собственный многолетний — ежечасный, ежeminутный пример родителей — вот основа того, каким будет наследник. Пример Твардовского в литературе не требует комментариев. Он был честен. Он был мужествен. Он был многогруден. Он был благороден.

Стой, говорю. Всему помеха — То, что к перу садясь за стол, Ты страсти мелочной успеха На этот раз не поборол. Ты не свободен был. И даже Стремился славу подкрепить, Чтоб не стоять у ней

на страже.
Как за жену, спокойным быть.
Прочь этот прах, расчет порочный.
Не надо платы никакой — Ни той посмертной, ни построчной, — А только б сладить со строкой. А только б некий луч

словесный
Узреть, не зримый никому,
Извлечь его из тьмы безвестной
И удивиться самому.
И вздрогнуть, веря и не веря
Внезапной радости своей,
Боясь находки, как потери,
Что с каждым разом все больней.

Так он работал.

...С тропы своей ни в чем не соступая,
Не отступая — быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,

Чтоб в ней себя нашла судьба любая
И чью-то душу отпустила боль.
Для этого он родился семьдесят лет назад, 21 июня, на хуторе пустоши «Столпово» в Смоленщине и обрел безусловное бессмертие на всей русской земле.

ВОЛОГДА.